

УДК 64.4

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ НОРМАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кирчанов М.В.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия, maksymkyrchanoff@gmail.com

Автор анализирует особенности развития нормативной историографии «больших нарративов» в современной Латвии. Историография «больших нарративов» в современной Латвии является официальной. «Большие нарративы» содействуют формированию политической и гражданской идентичности. «Большие нарративы» также используются для мифологизации прошлого и идеализации отдельных периодов в истории Латвии. Концепт «советская оккупация» является формой развития «большого» исторического нарратива в Латвии. Концепт «оккупация» используется для стимулирования исторического воображения и формирования образов Других. Историография «больших нарративов» является основной формой существования латышской исторической науки, ориентированной на массового читателя.

Ключевые слова: Латвия, историография, «большие нарративы», национализм, историческое воображение, мифологизация истории

THE DEVELOPMENT DIRECTIONS OF CONTEMPORARY LATVIAN NORMATIVE HISTORIOGRAPHY

Kirchanov M.V.

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com

The author analyzes the features of the development of normative historiography of "grand narratives" in contemporary Latvia. The historiography of "grand narratives" in modern Latvia is official. The "grand narratives" contribute to the formation of political and civic identity. The "grand narratives" are also used for mythologization of the past and assisted to idealization the different periods in the history of Latvia. The concept of "Soviet occupation" is a form of "grand" historical narratives in Latvia. The concept of "occupation" is used for stimulation of imagination and historical formation of the image of Otherness. The historiography of "grand narratives" is the main form of existence of contemporary Latvian historiography focused on the mass reader.

Keywords: Latvia, historiography, "grand narratives", nationalism, historical imagination, mythologizing history

Нормативная историография в современной Латвии основана на тиражировании и воспроизводстве «больших нарративов», важнейшим из которых, вероятно, следует признать нарратив о советской оккупации, который в новейшей латышской истории оказался подвержен значительной мифологизации. Воспроизводству этого нарратива в городском пространстве Риги призван содействовать Музей оккупации, а в научном и академическом дискурсе — активность латышских историков. Если в латышской советской историографии революционные нарративы играли одну из центральных ролей, то в постсоветских исторических штудиях этот вакуум был заполнен нарративами, призванными описывать советский период в качестве оккупации. Историографическое воспроизводство концепта «оккупация» в современной нормативной историографии имеет различные формы и проявления. С одной стороны, издаются документы [26], которые призваны создать корпус текстов, формирующих массовые представления об оккупации у латышских граждан (конечно, если они склонны и в состоянии читать и воспринимать подобные тексты,

требующие определенной исторической или даже историографической культуры и подготовки). С другой стороны, значительное количество латышских историков занимается обслуживанием нарратива «оккупации», что проявляется в изучении советского периода, проведении специализированных конференций, издании сборников статей и исследований, в центре которых находятся те или иные проблемы истории Латвии в период между 1940 и 1990 гг. Среди научных институций, которые занимаются проблемами оккупации, лидирующие позиции занимают Музей оккупации Латвии и Общество изучения оккупации Латвии. Музей оккупации Латвии (*Latvijas Okupācijas muzejs*) призван содействовать коммеморации событий советского периода, интеграции или вытеснению (в зависимости от ситуации) коллективных представлений о советском прошлом в урбанистическое пространство Риги. Роль Музея оккупации в большей степени актуализируется в контексте создания и воспроизводства исторической памяти в том смысле, что «память о прошлом никогда не может быть личным опытом, она кристаллизуется через семейные рассказы, средства массовой информации, музеи, фильмы и *исторические книги*» [38, р. 330]. Именно поэтому под эгидой Музея реализуется и активная издательская программа [24; 25], направленная на публикацию исследований, посвященных различным проблемам новейшей истории Латвии. Общество изучения оккупации Латвии (*Latvijas okupācijas izpētes biedrība*) в определенной степени призвано содействовать академизации и сциентизации преимущественно политизированных представлений о советском периоде [28].

Анализируя современную латышскую историографию, во внимание следует принимать, что значительная часть текстов, которые возникают в ее рамках, являются нормативными, а история в их рамках выстраивается и воображается в преимущественно событийной, социально-экономической или политической системе координат. Подобные подходы доминируют, например, в изучении истории Средних веков [14; 37] и Нового времени [23]. В этом отношении современные исторические штудии в Латвийской Республике мало чем отличаются от историографии в Латвийской ССР, за тем лишь исключением, что тематический диапазон отличается более широким разнообразием, хотя единственным героем подобной истории остается Латвия. Поэтому история в современной Латвии является почти исключительно историей Латвии, что характерно и для других национализирующихся государств и обществ.

«Большие» исторические нарративы, связанные с написанием и выработкой синтетических версий национальной истории, следует относить к сфере почти безусловного доминирования нормативной историографии. На протяжении 1990–2010-х гг. латышскими историками неоднократно предпринимались попытки написания новой версии латышской истории в длительной исторической перспективе (от раннего Средневековья до условной

современности) и в более ограниченных хронологических координатах (XIX или XX в., Первая Республика или советская оккупация). Как правило, эти версии фактически мало чем отличались от больших нарративов, которые доминировали в советский период, в основном лишь тем, что следование коммунистической идеологии и марксистско-ленинским социально и экономически выверенным интерпретациям сменилось почти столь же безраздельным доминированием этноцентричной парадигмы при сохранении событийно-хронологического стержня в качестве концептообразующего ядра.

Ярким примером подобных «больших нарративов» следует признать «Историю Латвии» Илгварса Бутулиса и Антонийса Зунды, изданную, например, в 2010 г. [9]. Структурно эта версия истории с некоторыми модификациями повторяет те версии и моды исторического описания или даже написания истории, которые были предложены в период Первой Республики между двумя мировыми войнами и идеологически модифицированы в советский период, с той лишь разницей, что, помимо традиционных для межвоенной и советской историографий сюжетов событийного характера, особое внимание уделено проблемам нации, национализма, развития и укрепления латышской идентичности. Кроме этого, имеются и некоторые условно оригинальные и новаторские вкрапления, представленные влиянием теории модернизации, но эти элементы не столь значительны, не имеют доминирующего значения и предстают явно второстепенными в тени «больших нарративов». В этом отношении в восприятии И. Бутулиса и А. Зунды латышская история предстает как нечто единое и целое, а сами авторы в некоторой степени склоняются к политически выверенному примордиализму, хотя то, что оба они известны как специалисты по новой и новейшей истории, не дает им впасть к окончательную модернизацию истории и не вынуждает их переносить современную этничность на относительно отдаленные этапы в истории Латвии. При этом этноцентризм доминирует почти безраздельно, и история Латвии, предлагаемая ими, является и остается именно историей Латвии. В этом отношении и Антонийс Зунда, и Илгварс Бутулис имеют определенные шансы стать неким коллективным «латышским Субтельным», но не становятся им и не в состоянии методологически это сделать, так как общая историографическая ситуация в современной Латвии радикально отличается от той, что существовала в ранней постсоветской Украине. В данном контексте автор склонен проводить параллель с книгой канадского историка Ореста Субтельного «Украина: история», оригинальное англоязычное издание которой вышло в 1988 г. [34], а украинский перевод и целый ряд переизданий [2] в независимой Украине, в том числе и перевод на русский язык [3], оказали значительное влияние на развитие украинской историографии. Кроме этого, и Антонийс Зунда, и Илгварс Бутулис методологически отягощены своим советским прошлым, а Орест Субтельный к украинской советской

историографии отношения не имел и для постсоветской Украины его подход стал качественно новым, а само видение украинской истории в общей перспективе, основанной на больших нарративах, было сродни почти религиозному откровению. В подобном контексте изданная в начале 2010-х гг. книга А. Зунды и И. Бутулиса кажется несколько запоздавшей, так как появление подобного текста на раннем этапе Второй Республики могло качественно иначе определить основные векторы в развитии латышской историографии.

В целом концепция А. Зунды и И. Бутулиса (если таковая и имеется) в значительной степени носит компромиссный и переходный характер. Компромиссность проявляется в попытке синтезировать фактически доминирующий примордиализм с социально-экономическими сюжетами, а переходность состоит в том, что текст двух известных латышских историков нельзя отнести к однозначно романтическому и этноцентричному дискурсу. Появление подобных текстов в рамках актуальной латышской историографии свидетельствует о том, что она пребывает в состоянии методологического кризиса, а латышские интеллектуалы заняты поисками нового модуса написания / описания истории, который претендовал бы на относительную и весьма условную универсальность, гарантируя сочетание этнической латышской доминанты с качественно отличными от нормативной историографии подходами, представленными социальной и культурной историей, исторической антропологией и микроисторией, региональной и локальной историями, что позволило бы фрагментировать историческое воображение, деконструировать архаичный историографический дискурс, который при всех модификациях по факту является позитивистским, заменив тем самым историю Латвии как один большой коллективный нарратив множественными историями.

Аналогичные историографические клише переносятся и на изучение истории периода 1917–1920 гг., а борьба за независимость Латвии в значительной степени идеализируется, подвергаясь позитивной и положительной мифологизации, что в принципе естественно, если принять во внимание, что Вторая Республика представляет собой национализирующееся государство, которое остро (впрочем, как и большинство других подобных переходных стран, в том числе и Россия) нуждается в исторической легитимации. В изучении этого критического периода в латышской истории активное участие принимает целый ряд современных латвийских историков, среди которых Игорс Варпа [45] и Янис Шилиньш [35]. Большинство текстов подобной тематики принадлежат нормативной, преимущественно неопозитивистской, описательной историографии, основанной на реконструкции фактических, событийных и хронологических аспектов периода 1917–1920 гг., что ведет к актуализации парадигмы линейной и одномерной истории с сильным примордиалистским мессиджем читателю.

В данном контексте речь идет не об этническом, а в большей степени о политическом и идеологическом примордиализме, основанном на вере авторов в неизбежность создания в 1918 г. независимого латвийского государства, на фоне чего советский эксперимент выглядит как уникальное и оригинальное отклонение от магистральной линии в развитии латышского исторического процесса. В силу этого книга Я. Шилиньша о Советской Латвии в 1918–1919 гг. может быть частично воспринята и как не принадлежащая нормативной историографии. В целом, анализируя события революции, в особенности 1918 г., современные латышские историки оказываются вынужденными выбирать между вызовами сложившегося национально-центричного историографического норматива и вызовами постмодернистского дискурса. Ярким примером подобной двойственности современной латышской историографии, вероятно, следует признать отношение к событиям 18 ноября 1918 г. Латышские историки Илгварс Бутулис [10] и Гунарс Янайтис [21] колеблются между формальными требованиями нормативной историографии с ее склонностью к написанию событийной истории и качественно иным восприятием истории в категориях коллективных «мест памяти», истории идей, визуального поворота в историографии.

Событийная и традиционная историография относится к числу официально институционализированных течений в современной латышской исторической науке. Центральным институтом, который содействует не только сохранению, но и развитию подобных течений, является Комиссия историков (*Latvijas Vēsturnieku komisija*), которая не только получает значительную поддержку со стороны государства, но и занимается активной научной и издательской деятельностью. Изданный под эгидой и по инициативе Комиссии целый ряд сборников фактически воспроизводит линейные традиционные, почти сугубо и исключительно событийные версии латышской истории XX в. Анализируя нормативную историографию, во внимание следует принимать, что тематическая направленность деятельности Комиссии продолжает оставаться преимущественно традиционной, пребывая в рамках «больших нарративов», которых в современной латышской историографии несколько, а именно – история советской оккупации [33; 36], проблемы советизации [32], проблемы национального сопротивления [5; 20], проблемы истории немецкой оккупации [15; 47], проблемы истории холокоста на территории Латвии [30; 31], проявления и формы советского авторитаризма в Латвии [44], история советских политических репрессий в Латвии [29], проблемы политической истории в советский период [8]...

Тематика публикаций Комиссии, таким образом, не отличается особой оригинальностью, что оказывает значительное влияние и на методологические подходы, которыми руководствуются современные латышские историки. Латышская историография в исполнении Комиссии историков – это почти исключительно историография больших

нарративов, что придает ей чрезвычайно официальный, порой – официозный характер, хотя некоторые работы, изданные в сборниках Комиссии, условно можно воспринимать и как оригинальные [27], но они, к сожалению, остаются практически незаметными в контексте почти безраздельного доминирования больших нарративов.

Сама структура и направленность появления текстов в рамках нормативной историографии носит инерционный и циклический характер. Они могут появляться под лозунгами «возвращения к истокам», переоценки одиозных оценок советской латышской историографии. Например, известно, что латышская советская историческая наука и близкие к ней дисциплины характеризовались весьма критическим отношением к религии, активно продвигая и популяризируя принципы «научного атеизма». Современная нормативная латышская историография в случае истории религии в определенной степени актуализирует некоторые идеи, которые высказывались в период Первой Республики [18] и в эмиграции [19], поменяв при этом по сравнению с советским периодом полярность оценок и интерпретаций, пойдя по пути переиздания романтически выверенных текстов интеллектуалов эмиграции (например, Харалдса Биезайса [6; 7]), посвященных роли религии и веры в развитии латышской идентичности.

Примечательно и то, что в рамках нормативной историографии доминирует своеобразный оценочный подход. Иными словами, если в советской латышской историографии Карлис Улманис был фигурой явно отрицательной, а его режим оценивался как фашистский, то в современной исторической науке фигура К. Улманиса, наоборот, в значительной степени в позитивном плане мифологизируется и идеализируется, что проявляется как в оригинальных исследованиях (в частности, работы Виестурса Авотса [4]), так и в переиздании текстов периода Первой Республики (например, Эдвартса Вирзы [46]). Виестурс Авотс [43] обеспечил современного читателя и некой обильно иллюстрированной «выжимкой» мозаичных текстов и событий, построенных по хронологическому принципу и в той или иной степени связанных с Карлисом Улманисом, что содействовало не только канонизации К. Улманиса, но и его интеграции в контекст современной фрагментированной культуры массового потребления.

В целом, в актуальной латышской историографии Первая Республика подвергается определенной позитивной идеализации, так как «новый исторический дискурс», по мнению некоторых современных исследователей, «нередко призван показать политическую независимость как возвращение к истокам» [1, с. 439]. Кроме этого, актуализированными оказались и выводы эмиграционной историографии [13]. Примечательно и то, что, отказавшись в начале 1990-х гг. от коммунистической идеологии с ее склонностью к имитации житийно-агиографического жанра в деле жизнеописания революционеров и

партийных лидеров, латышские историки, к сожалению, оказались не в состоянии в полной мере отойти и отказаться от идеализации в контексте написания исторических биографий, что имеет самое непосредственное отношение к негласному культу К. Улманиса. Некоторые работы, ему посвященные и приуроченные к юбилеям [22], фактически воспроизводят большой парадный историографический нарратив, унаследованный от периода Первой Республики. Поэтому отказ от идеологизации исторического знания носит только и сугубо внешний характер, в то время как внутренние законы историографического развития в целом продолжают воспроизводить фактически те же, стандартные или устаревшие нарративы при сохранении методов, принятых в нормативной историографии, но лишь с иначе расставленными идеологическими акцентами.

В аналогичном направлении развивается и современная латышская историография (например, работы Илгварса Бутулиса [10]), посвященная истории и деятельности организации айзсаргов: если в советский период они воспринимались в качестве реакционного и фашистского движения, то во Второй Республике отношение к ним существенным образом изменилось. Появились различные работы, посвященные айзсаргам, но, к сожалению, их подавляющее большинство пребывает в рамках нормативной историографии, представляя, как правило, традиционные линейные версии истории, написанной в событийной системе координат, хотя теоретически и методологические другие практики и подходы в перспективе могли бы привести к качественно другим результатам.

Несмотря на то что тексты Виестурса Авотса и Эдвартса Вирзы разделяет более семьдесят лет (первое издание вышло в 1935 г.), теоретически и методологически они оказываются очень близкими и интегрированными в большой мемориальный дискурс в латышской исторической памяти, связанный с фигурой Карлиса Улманиса. Основное различие этих работ состоит лишь в том, что Эдвартс Вирза предлагал идеологически выверенный и идеализированный образ Карлиса Улманиса для актуального и оперативного использования и применения в середине 1930-х гг., а Виестурс Авотс транслирует несколько популярных синтетических нарративов о Карлисе Улманисе в постсоветское общество, которое склонно иметь дело с мифами и идеологическими конструктами, воспринимая их с большей готовностью и легкостью. Примечательно и то, что если текст Э. Вирзы, вероятно, предназначен уже для продвинутого и подготовленного читателя, то В. Авотс ориентирован на профессионального потребителя. Именно поэтому в его текстах о К. Улманисе не только много авторских размышлений, но и немало пространных цитат из других источников, которые читатель в ипостаси потребителя вряд ли когда-либо задастся целью найти и прочитать.

В рамках схожей парадигмы в современной латышской исторической науке сложилась историографическая судьба и других политических деятелей межвоенной Латвии, в частности Микелиса Валтерса, который оказался героем ряда агиографических, почти «житийных» исследований, содействующих его мифологизации. Примечательно, что автором одного из первых капитальных исследований о Микелисе Валтерсе является Рихардс Треийс [40] – историк старшего поколения, который просто перенес каноны и принципы добротного позитивистского исторического исследования, основанного на изучении архивных фондов и значительной литературы, посвященной М. Валтерсу, на качественно другую историографическую ситуацию, когда подобная методология кажется устаревшей, но общество еще готово принимать и воспринимать историографический продукт позитивно, так как переживает чувство интеллектуального голода относительно доступных исторических сочинений, обеспечивавших его историей и гарантировавших исторический континуитет, основанный в том числе и на деятельности политиков, на современном этапе воображаемых и воспринимаемых в качестве центральных фигур конструируемого исторического пантеона «отцов нации». Отвечая на подобные запросы латышского общества, Рихардс Треийс стал автором биографий и других латышских политиков, в том числе Вилхелмса Мунтерса [41] и Зигфридса Мейеровица [42].

Историографические перипетии и трансформации пережили исследования, посвященные истории Вооруженных сил в период существования Первой Республики. Если в советской латвийской историографии специализированные работы об армии и латышском офицерстве, военной форме, атрибутике и наградной системе в межвоенной Латвии фактически отсутствовали, то в 1990–2010-е гг. страну захлестнула волна изданий в стиле военной истории, написанных как профессиональными историками, так и офицерами. Лидером в продвижении подобного историографического продукта является Военный музей (хотя и другие издательства активно осваивают этот рентабельный сегмент книжного рынка), а тематика таких публикаций разнообразна, варьируя от истории участия латышей в Первой мировой войне (Янис Хартманис [17]) до активной фазы в борьбе за независимость в 1918–1920 гг. (Юрис Цигановс [12]), от истории латышской армии в контексте биографий ее высших офицеров (Рихардс Треийс [39]) до истории военной формы (Эгилс Гелдериньш [16]). Большая часть подобной литературы в современной Латвии принадлежит к нормативной историографии, отличаясь описательным, справочно-информативным характером, будучи попыткой ликвидировать те лакуны, которые до настоящего времени сохраняются в изучении и описании событий латышской военной истории.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Историография «больших нарративов» консервативна, воспроизводит и тиражирует линейные,

преимущественно событийные версии истории Латвии. Подобные особенности содействуют ее постепенной консервации. В методологическом плане нормативная историография характеризуется узкой теоретической базой, связанной с идеологизацией и мифологизацией прошлого. В наибольшей степени мифологизации в современной латышской историографии подвергнуты 1920–1930-е гг. и советский период. Если межвоенная Латвия в значительной степени идеализируется и позитивно мифологизируется, то советский этап в латышской истории, наоборот, подвергается последовательной демонизации. В этом контексте нарративы «оккупации» играют системную роль в формировании и функционировании официальных версий исторической памяти и той идентичности, которая базируется на подобных нарративах. Однако подобное развитие нормативной историографии, доминирование в латышской историографии «больших нарративов» содействуют появлению альтернативных версий и концептов истории Латвии, которые основаны на фрагментации больших нарративов, деконструкции мифов и последовательной ревизии исторической памяти. Подобные тенденции в современной латышской историографии, связанные в большей степени с трансформациями мировой исторической науки, нуждаются в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Laruel M., Peiruz C. Russians in Altai: historical memory and national self-awareness in Kazakstan / M. Laruel, C. Peiruz // *Ab Imperio*. – 2004. – № 1.
2. Subtelnyy O. Ukraine: history. - Kiev, 1993.
3. Subtelnyy O. Ukraine: history. – Kiev, 1994.
4. Avots V. Kahrlis Ulmanis valstiski un privati. – Riga, 2010.
5. Abelnieks R. Nacionalas bruņotas pretosanas kustibas ipatnibas Bauskas aprinki (1944. – 1950.) // Nacionala pretosanas komunistiskajiem rezimjiem Austrumeiropa pec Otra Pasaules Kara. Starptautiskas konferences materiali, 2005. gada 7. – 8. junijs, Riga / sast. R. Viksne. – Riga, 2006. – 88. – 95. lpp.
6. Biezais H. Die Gottesgestalt der lettischen Volksreligion. – Uppsala, 1961.
7. Biezais H. Dieva tels latviesu tautas religija. – Riga, 2008.
8. Bleiere D. Latvijas PSR nomenklaturas veidosanas 1940. – 1941. gada // 1940. – 1991. Latvijas Vesturnieku komisijas 2008. gada petijumi un starptautiskas konferences “Okupācijas rezimi Baltijas valstis (1940. – 1990.): izpetes rezultati un problemas” materiali, 2008. gada 30. – 31. oktobris, Riga / sast. D. Erglis. – Riga, 2009. – 17. – 49. lpp.

9. Butulis I. 18. novembris // Valsts pirma. Vilis Ridzenieks. Latvijas valsts pasludinasana 1918. gada 18. novembri / sast. Laima Slava. – Riga, 2008. – 4. – 17. lpp.
10. Butulis I. Sveiki, aizsargi! Aizsargu organizacija Latvijas sabiedriski politiskaja dzive 1919. – 1940 gada. – Riga, 2011.
11. Butulis I., Zunda A. Latvijas vesture. – Riga, 2010.
12. Ciganovs J. Latvijas neatkaribas kars 1918. – 1920. – Riga, 2013.
13. Dunsdorfs E. Karla Ulmana dzive. Celinieks. Politikis. Diktators. Moceklis. – Stokholma, 1978.
14. Eihmane E. Livonijas pamatiedzivotaju kristisana: Dieva vina darza iekopsana vai brutala paklausana religijas piesega? // Latvijas Universitates raksti. – 2009. – 725. sej. Vesture. Zeme, vara un religija viduslaikos un jaunajos laikos Baltijas juras regiona. – 9. – 28. lpp.
15. Evarts E. Vacu okupacijas varas ekonomiska politika Latvija Otra pasaules kara laika // Latvija nacistiskas Vacijas okupacijas vara 1941. –1945. Starptautiskas konferences referati 2003. gada 12.–13. junijs, Riga / sast. D. Erglis. – Riga, 2004. – 100. – 107. lpp.
16. Gelderins E. Latvijas armijas karaviru ieterps, atskiribas zimes un noteikumi to nesasanai, 1918. – 1940. – Riga, 2007.
17. Hartmanis J. Latviesu strelnieki Kekavas kauja 1916. gada marta. – Riga, 2012.
18. Indriksons A. Domas par latvisku tautas baznicu. – Riga, 1934.
19. Indriksons A. Musu baznicas reformu nepieciešamiba un iespējamiba. – Stokholma, 1954.
20. Ivanovs A. Nacionala pretosanas kustiba Latvija pec Otra pasaules kara Latvijas historiografija (40. gadu otra puse – 80. gadu otra puse) // Nacionala pretosanas komunistiskajiem rezimem Austrumeiropa pec Otra Pasaules Kara. Starptautiskas konferences materiali, 2005. gada 7. – 8. junijs, Riga / sast. R. Viksne. – Riga, 2006. – 136. – 153. lpp.
21. Janaitis G. Valsts pirma // Valsts pirma. Vilis Ridzenieks. Latvijas valsts pasludinasana 1918. gada 18. novembri / sast. Laima Slava. – Riga, 2008. – 42. – 57. lpp.
22. Karlim Ulmanim 120. / galv. red. A. Caune. – Riga, 1998.
23. Klava V. Ziemeļvacijas firsti reformacija: merki un iespējas (Meklenburgas piemērs) // Latvijas Universitates raksti. – 2009. – 725. sej. Vesture. Zeme, vara un religija viduslaikos un jaunajos laikos Baltijas juras regiona. – 71. – 85. lpp.
24. Latviesu legionari / Edvins Bruvelis, Andrejs Edvins Feldmanis, Taiga Koknevisa, Valdis Kuzmins, Anda Lice, Uldis Neiburgs, Janis Vasilevskis. – Riga, 2005.
25. Latvijas Okupacijas muzejs: Latvija zem Padomju Savienibas un nacionalsocialistiskas Vacijas varas (1940. – 1991.). – Riga: Latvijas Okupacijas muzejs, 2005.
26. Okupacijas varu politika Latvija 1939. – 1991. Dokumentu krajums / atb. red. E. Pelkans. – Riga, 1999.

27. Oļehnovics D. Karikatura ka "kara ierocis": dazas tendences nacionalsocialistiskaja propaganda // Latvija nacistiskas Vacijas okupācijas vara 1941. –1945. Starptautiskas konferences referati 2003. gada 12.–13. junijs, Riga / sast. D. Erglis. – Riga, 2004. – 30. – 39. lpp.
28. Padomju Savienības nodarītie zaudējumi Baltijā. Starptautiskas konferences materiāli, Riga, 2011. gada 17. – 18. junijs / red. J. Prikulis. – Riga, 2013.
29. Racinskis R. Komunistiska rezīma nozīgumi Lietuva pēc Otrā pasaules kara un nacionālā pretosanas kustība: Lietuvas Starptautiskas vēsturnieku komisijas secinājumi // Nacionālā pretosanas komunistiskajiem rezīmiem Austrumeiropa pēc Otrā Pasaules Kara. Starptautiskas konferences materiāli, 2005. gada 7. – 8. junijs, Riga / sast. R. Viksne. – Riga, 2006. – 45. – 63. lpp.
30. Stranga A. Holokausta pētniecības problēmas // Holokausta izpēte Latvija. Starptautisko konferences materiāli, 2003. gada 12.–13. junijs, 24. oktobris, Riga, un 2002.–2003. gada pētījumi par holokaustu Latvija / sast. D. Erglis. – Riga, 2004. – 17. – 31. lpp.
31. Stranga A. Holokausta vēstures pētniecība un holokausta piemināšana Latvija // Holokausts Latvija. Starptautiskas konferences materiāli, 2004. gada 3. – 4. junijs, Riga, un 2004. – 2005. gada pētījumi par holokaustu Latvija / sast. D. Erglis. – Riga, 2006. – 13. – 32. lpp.
32. Strods H. Latvijas sovetizācija (1944. –1959.) // Totalitārie rezīmi Baltijā. Izpētes rezultāti un problēmas. Starptautiskas konferences materiāli, 2004. gada 3. – 4. junijs, Riga / sast. D. Erglis. – Riga, 2004. – lpp. 173. – 192.
33. Strods H. Padomju okupācijas otrais posms Latvija (1940. gada sākums – 1941. gads) // Totalitārie okupācijas rezīmi Latvija 1940. – 1964. gada. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2003. gada pētījumi / sast. D. Erglis. – Riga, 2004. – 26. – 98. lpp.
34. Subtelnijs O. Ukraine: a History. – Toronto, 1988.
35. Silins J. Padomju Latvija. 1918. – 1919. – Riga, 2013.
36. Sneidere I. Padomju pirma okupācija Latvija: dažādi aspekti // Totalitārie okupācijas rezīmi Latvija 1940. – 1964. gada. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2003. gada pētījumi / sast. D. Erglis. – Riga, 2004. – 13. – 25. lpp.
37. Sne A. Ticība, vara un tirdzniecība: kristietības loma vietējo iedzīvotāju sabiedrības Latvijas teritorijā 11. – 13. gadsimta // Latvijas Universitātes raksti. – 2009. – 725. sejt. Vēsture. Zeme, vara un reliģija viduslaikos un jaunajos laikos Baltijas jūras reģionā. – 29. – 44. lpp.
38. Till K. Memory Studies / K. Till // History Workshop Journal. – 2006. – No 1. – P. 330.
39. Treijs R. Latvijas generali (1918. – 1940.). Armijas komandieri un stabā priekšnieki. – Riga, 2006.
40. Treijs R. Mikēlis Valters. Politikis, diplomats un līdētājs. – Riga, 2012.
41. Treijs R. Vilhelms Munters. – Riga, 2010.
42. Treijs R. Zīgfrīds Meierovics. – Riga, 2007.

43. Ulmanlaiki. Legendas un fakti / sast. Viesturs Avots. – Riga, 2004.
44. Urtans A. Padomju cenzura Latvija līdz 1990. gadam // 1940. – 1991. Latvijas Vesturnieku komisijas 2008. gada petījumi un starptautiskas konferences “Okupācijas rezīmi Baltijas valstīs (1940. – 1990.): izpētes rezultāti un problēmas” materiāli, 2008. gada 30. – 31. oktobris, Rīga / sast. D. Erglis. – Rīga, 2009. – 50. – 76. lpp.
45. Varpa I. Cēls uz Latvijas valsti, 1914. – 1922. – Rīga, 2012.
46. Virza E. Karlis Ulmanis. – Rīga, 2010.
47. Zunda A. Vācijas okupācijas varas politika Latvija (1941. – 1945.): vertējums historiografijā // Latvija nacistiskās Vācijas okupācijas varā 1941. –1945. Starptautiskas konferences referāti 2003. gada 12.–13. jūnijs, Rīga / sast. D. Erglis. – Rīga, 2004. – 17. – 29. lpp.

Рецензенты:

Кретинин С.В., д.и.н., проф., заведующий Кафедрой истории Средних веков и зарубежных славянских народов Исторического факультета ВГУ, г. Воронеж;

Мирошников А.В., д.и.н., проф., заведующий Кафедрой истории нового и новейшего времени Исторического факультета ВГУ, г. Воронеж.